ISSN 2619-0915

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№ 3 2020

ВЕСТНИК
Института права Башкирского государственного университета

№ 3 (7)

2020 г.

Издается с 2018 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Издатель
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета
И.А. Макаренко,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Заместитель председателя редакционного совета
А.Б. Галимханов,
кандидат юридических наук, проректор Башкирского государственного университета по учебно-методической работе, доцент кафедры криминалистики.

Члены редакционного совета:

Г.М. Азнагулова,
доктор юридических наук, профессор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

Ф.Г. Аминев,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики;

Н.Н. Арзамаскин,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета;

Е.Л. Васянина,
доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Ф.Х. Галиев,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, и.о. заведующего кафедрой теории государства и права;

Р.Х. Гизатуллин,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права;

Р.В. Нигматуллин,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права и международных отношений;

А.А. Тарасов,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса;

Е.М. Тужилова-Орданская,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права;

Н.А. Саттарова,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового и экологического права;

А.А. Эксархопуло,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики;

Р.Г. Юсупов,
доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного права;

В.А. Анисимов
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права;

Л.Ш. Гумерова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного права;

М.Б. Кострова,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса;

О.М. Крылов,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного права;

З.А. Юсупова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры международного права и международных отношений.

Главный редактор
Ф.Х. Галиев,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
и.о. заведующего кафедрой теории
государства и права

Выпускающий редактор
О.И. Макова,
начальник Научно-инновационного центра Института права

Редактор англоязычных текстов
Н.М. Мухаметгареева,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры международного права
и международных отношений

Технический редактор
А.В. Бабенкова

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.
Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:
ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Ларинбаева И.И.
Правоспособность граждан: некоторые теоретико-правовые и нравственно-этические аспекты 7

Султанов Т.Б., Юсупов Р.Г.
О толковании термина «правовое регулирование» 14

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Тулупова Е.О.
Суррогатное материнство в Германии 24

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Латыпов В.С.
Оказание содействия правосудию как гарант состязательности сторон в российском уголовном судопроизводстве 29

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шонин Н.Е.
Об институте признания государств и правительств 36

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Полстовалов О.В.
К исследованию способов совершения организованных форм мошенничества в новой экономической реальности 45

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 3 (7)

2020

Published since 2018
Issued four per year

Founder
Bashkir State University

Publisher
Bashkir State University

Council of Science Editors:

Head of Counsil

I.A. Makarenko,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Chairperson of the Central Elections Commission of the Republic of Bashkortostan.

Deputy Head of Counsil
A.B. Galimkhanov,
Candidate of Sciences (Law), Vice-Rector for Academic Work, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics.

Editorial Council Members:
G.M. Aznagulova,
Doctor of Law, Professor of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

F.G. Aminev,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics;

N.N. Arzamaskin,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University

E.L. Vasyanina,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics;

F.Kh. Galiev,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law, Acting Head of the Chair of Theory of State and Law;

R.Kh. Gizatullin,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Financial and Environmental Law;

R.V. Nigmatullin,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law and International Relations;

A.Al. Tarasov,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure;

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law;

N.A. Sattarova,
Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law;

A.A. Eksarhopulo,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics;

R.G. Yusupov,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Chair of Constitutional Law;

B.A. Anisimov
Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law;

L.Sh. Gumerova,
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Constitutional Law;

M.B. Kostrova,
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procudure;

O.M. Krilov,
Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional Law;

Z.A. Yusupova,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations.

Editorial Board:

Editor-in-Chief
F.Kh. Galiev,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Chair of Theory of State and Law, Acting
Head of the Chair of Theory of State and Law

Executive Editor
O.I. Makova,
Head of Science and Innovation Campus
of the Institute of Law

English Texts Editor
N.M. Mukhametgareeva,
Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair
of International Law and International Relations

Technical Editor
A.V. Babenkova

E-mail vest-law@yandex.ru;
Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Larinbaeva I.I.
Civil Capacity: Legal and Moral Aspects 7

Sultanov T.B., Yusupov R.G.
On the Interpretation of the Term «Legal Regulation» 14

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Tulupova E.O.
Surrogacy in Germany 24

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, CRIMINAL AND PENAL LAW

Latypov V.S.
Assistance to Justice as a Guarantor of the
Adversarial Principle of the Parties in Russian Criminal Proceedings 29

INTERNATIONAL LAW

Shonin N.E.
On the Institution of States and Governments Recognition 36

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Polstovalov O.V.
To the Study the Methods of Commission Organized Forms of Fraud
in New Economic Reality 45

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 340
DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.1

И. И. Ларинбаева

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ГРАЖДАН: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дата поступления 14 сентября 2020 г.

Определение правоспособности является ключевым в системе категориально-понятийного аппарата юридической науки. Наличие правоспособности индивида позволяет обозначить человека как субъекта права, выступает основой его правового статуса. Данное определение было выработано достаточно давно и считалось незыблемым, но в условиях научно-технического прогресса некоторые подходы стремительно устаревают. Актуальность статьи подтверждается необходимостью признания ребенка, родившегося на ранних сроках, полноценным гражданином и признания у него прав человека, в том числе основного права – на жизнь. Доказывается многоаспектный характер проблемы, исследуются факторы, замедляющие формирование эффективного правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова и фразы: правоспособность, правосубъектность, человек, право на жизнь, правовое регулирование, юридическая ответственность.

I. I. Larinbaeva

CIVIL CAPACITY: LEGAL AND MORAL ASPECTS

The definition of the legal capacity is a key in the system of framework of categories and concepts of legal science. The legal capacity of a person makes it possible to characterize him as a subject of law. This definition was given long

© Ларинбаева И.И., 2020

ago and was unbreakable, but in the context of scientific and technological progress, some approaches become outdated. The relevance of the article is confirmed by the need to recognize a child born in the early stages of pregnancy as a citizen and recognize his human rights, including the basic right – the right to life. The multifaceted nature of the problem is proved. The article examines the factors that slow down the formation of effective legal regulation in this area.

Keywords and phrases: legal capacity, legal personality, person, right to life, legal regulation, legal responsibility.

В современном мире жизнь человека провозглашается высшей ценностью. Этот постулат ни у кого не вызывает сомнений. Однако чем стремительнее развивается научно-технический прогресс, тем больше возникает философских, этических вопросов, связанных с проблемой бытия человека. Каждый индивид вправе решать их для себя самостоятельно, исходя из нравственных, религиозных установок, но объективно верные ориентиры в новой системе ценностей должно дать обществу именно право как единственный регулятор, вырабатывающий общеобязательные правила поведения на основании достижений других наук.

Поскольку определить юридические границы жизни довольно трудно, были приняты определенные критерии. Так, установлено, что эмбрион является жизнеспособным, то есть способным существовать независимо от матери, а значит, быть субъектом права, если он появился на свет не ранее 22–23 недели и имеет вес не менее 500 граммов. Однако в скором времени общество может столкнуться с новой нравственно-правовой дилеммой, которую мы проиллюстрируем случаем из практики.

Два ребенка появились на свет на 23 неделе, один при рождении весил 490 граммов, другой – 520 граммов. Спустя непродолжительное время оба случая рождения оказались летальными. В обеих семьях это были вторые дети. Но только мать второго ребенка получила свидетельства о рождении и о смерти, возможность захоронения и право на получение материнского капитала.

Чтобы понять, каков предел возможностей как в техническом плане (создание среды, приближенной к внутриутробной), так и в плане зрелости мозга ребенка, который способен развиваться внеутробно, а значит, быть правоспособным, в мире были предприняты попытки выхаживать недоношенных детей разного возраста. Наибольшие успехи были достигнуты в Японии, где выхаживали детей, рожденных в 20 недель, то есть приблизительный срок беременности составлял пять месяцев. Опыт был успешным лишь частично, поскольку в некоторых случаях у таких детей не происходила дифференциация головного мозга – деление на серое и белое вещество.

Данный процесс определяет возможность думать, чувствовать, что и называется высшей нервной деятельностью. Именно эта способность отличает человека от любой иной биологической субстанции. В связи с этим, руководствуясь данными исследований и на основании гуманистической идеи, ВОЗ и установила допустимую границу человеческого живорождения – 23 недели и 500 граммов веса. Это минимальный возраст, при котором головной мозг может дифференцироваться на серое и белое вещество. Соответственно, есть надежда, что это уже будет человеческая личность с умственными способностями.

Данные показатели носят рекомендательный характер, и каждое государство, исходя из собственных технологических и экономических ресурсов, принимает решение о принятии этих критериев. Рожденный на этом сроке плод с точки зрения закона обладает правоспособностью. Все сказанное подтверждает процесс дальнейшей эволюции права на жизнь и трансформацию общетеоретического понятия правоспособности.

Такой подход имеет как сторонников, так и противников не только в России, но и в благополучной Европе, где в ряде государств нормы ВОЗ восприняты и действуют на протяжении длительного времени. «Гуманные европейцы», прошедшие ужасы фашизма, первыми поставили вопрос о необходимости и целесообразности выхаживания заведомо больных граждан, о вреде генофонду, о юридической ответственности медработников, о дорогостоящих для налогоплательщиков процессах реабилитации и социализации, вспомнили о естественном отборе.

По различным исследованиям, в процентном соотношении число недоношенных новорожденных незначительно. Организм детей, рожденных почти наполовину раньше срока, очень незрелый, и выживаемость у них, условно, один из ста. Чтобы вы́ходить такого ребенка, нужны месяцы, при этом количество выживших на таком сроке минимально. И минимально оно практически во всех странах, где действуют критерии ВОЗ. Но если недоношенные дети нежизнеспособны, обходятся слишком дорого, то в чем смысл подобного правового регулирования?

Задача современной науки не в том, чтобы спасти всех детей, рожденных на сроке в пять месяцев, а в приобретении знаний и опыта. Специалисты учатся максимально продлевать беременность, учитывая комплексный подход: перинатальная диагностика генетических хромосомных болезней, различных пороков развития плода, выделение групп риска среди беременных, их специальное наблюдение, дородовая логистика и маршрутизация. Это необходимо делать максимально бережно и не забывать о «золотом часе», который, по сути, определяет, будет или нет повреждение клеток мозга, а

значит, будет или не будет жить ребенок. И квалификация реаниматологов, работающих с такими детьми, сегодня растет.

Придание недоношенным детям статуса гражданина имело важный результат: количество и качество выхаживания детей, родившихся чуть позже, на 26–28 неделях, значительно улучшилось. Еще 30–40 лет назад, когда не было возможности поддерживать дыхание, дети, родившиеся на сроке ранее семи месяцев, выживали очень редко. Всего 30 лет назад примерно шесть-семь детей из десяти стали бы тяжелыми инвалидами. Еще некоторое время назад стандартом появления человеческого существа был другой показатель – вес не менее килограмма при рождении. Килограммовые недоношенные считались рожденными с экстремально низкой массой тела, а сейчас вполне перспективны. Возможно, через 30–40 лет то же самое можно будет сказать и о 500-граммовых.

Продолжаются обсуждения влияния недоношенных на генофонд при достижении ими детородного возраста. Чтобы такие люди могли повлиять на популяцию, их должно быть очень много, а количество людей, родившихся, например, на 26-й неделе, не более 2 %.

Сейчас только 25–30 % недоношенных, рожденных в 5–6 месяцев (25–26-я неделя беременности), остаются инвалидами. У этих детей нет уже тех возможных пороков развития, которые, к сожалению, обязательно возникли бы в прошлые годы. В развитых странах показатели на таком же уровне. А еще лет 20–30 назад таких было 75–80 %. Но технический прогресс не стоит на месте, что позволило и дальше постепенно снижать возраст появления правоспособности.

Следующий проблемный аспект – правовая и социальная защищенность родителей. Во-первых, следует сказать о возможности выбора применения или неприменения мер жизнеобеспечения к недоношенному ребенку, по сути, сравнимых с эвтаназией. Во всех странах, где принята концепция ВОЗ, эти дети имеют право на обязательную медицинскую помощь. Но существуют различия в правовых подходах к регулированию данного вопроса. В некоторых государствах принято законодательство, позволяющее родителям отказаться от реанимации, если ребенок родился с 23-й по 25-ю неделю. В медицинских учреждениях созданы специальные службы, которые оказывают родителям информационную, психологическую и правовую консультацию. В Европе и в США выстроена система государственной поддержки с упором не на медицинскую, а на социальную реабилитацию [1, с. 120].

В России существует законодательный пробел. Даже если у недоношенного ребенка диагностированы несовместимые с жизнью патологии, его обязаны спасать независимо от волеизъявления родителей. Необходимо за-

конодательно закрепить право законных представителей решать вопросы о целесообразности реанимационной помощи их ребенку, родившемуся с 23-й по 25-ю неделю. К широкой дискуссии следует привлечь общественность: экспертов, ученых, юристов, врачей, сообщества пациентов, представителей религиозных конфессий и др. [2, с. 23].

Во-вторых, когда Российская Федерация перешла на нормативы ВОЗ, строились прогнозы об увеличении частоты детского церебрального паралича, умственной отсталости и других патологий, приводящих к тяжелой инвалидности. Без развития специализированной службы помощи недоношенным детям обществу, которое не в состоянии содержать такое количество инвалидов, будет нанесен огромный урон.

Проблемой являются нормативное содержание и реализация социальных прав недоношенных детей [3, с. 55]. Помощь таким детям и их семьям минимальна, и дело не столько в материальной поддержке, хотя и это немаловажный фактор. Зачастую родители просто не знают, как ухаживать за недоношенным ребенком, как его развивать, как поддерживать двигательные навыки. Социализация таких детей при нынешнем подходе обречена. Но раз государство сделало такой ответственный шаг вслед за развитыми странами, раз юридически 500-граммовый плод признан человеком, признана его правоспособность, то и поступать в последующем с его семьей и самим ребенком тоже нужно по-человечески.

Следующий аспект, требующий незамедлительного законодательного решения, заключается в правовой защите самих врачей. Наблюдается рост обвинений во врачебных ошибках, халатности, неоказании помощи и даже в убийствах. Минздрав сейчас разработал новые критерии, согласно которым только с седьмого дня жизни можно признавать правоспособность младенцев, родившихся на очень раннем сроке (менее 22 недель) и с экстремально низким весом (менее 500 граммов). Это произошло после череды уголовных дел, которые Следственный комитет возбудил в отношении акушеров. Так, в убийстве 22-недельного мальчика обвинили неонатолога Э. Сушкевич из Калининграда. Ситуация неоднозначная и не имеющая простых решений, поскольку каждый случай индивидуален. В России уже была аналогичная норма о килограммовых детях – они имели право на жизнь и на медицинскую помощь, но до семи дней считались плодом. Если такие дети погибали, то их смертность подпадала под иные критерии и не считалась гибелью новорожденного.

С одной стороны, можно говорить о наличии состава преступления. С другой стороны, врач зачастую оказывается перед этическим выбором в условиях отсутствия правового регулирования, наличия лишь юридической ответственности. Например, в больнице всего один аппарат искусственной

вентиляции легких, и к нему на протяжении сорока дней подключен 23-недельный ребенок. И тут рождается 32-недельный, которого нужно подключить к аппарату на три дня. Первый ребенок наверняка останется инвалидом, а второй практически здоров. При более тщательной нормативной регламентации, возможно, с врача была бы снята определенная доля ответственности, однако излишняя нормативность также может отрицательно сказаться на результатах, когда у медработника отсутствует возможность самостоятельного принятия решений.

Вопрос выхаживания недоношенных детей сложнейший, в нем сочетаются все аспекты, от медицинских и этических до политических и правовых. Это социально значимый параметр, определяющий экономическое и социальное развитие государства, особенно с учетом современных показателей для новорожденных. В связи с этим следует обозначить еще один аспект, непосредственно влияющий на правоспособность новорожденных и в целом на реализацию права на жизнь. Речь идет о невозможности равного доступа к получению медицинской помощи [4, с. 14]. По статистике, в Российской Федерации младенческая смертность за десять лет существенно уменьшилась. Однако в последние два года темпы снижения замедлились. Тому есть объективные причины. Первичное снижение смертности произошло за счет качественного оснащения больниц аппаратурой в результате реализации национальных проектов, строительства перинатальных центров, а теперь эти показатели вышли на плато. Показатели в Москве, Калининграде, Санкт-Петербурге находятся на европейском уровне. Другая картина складывается в регионах – Магаданском и Алтайском крае, Еврейской автономной области, где нехватка врачей и оборудования, большие расстояния и трудности маршрутизации напрямую влияют на возможность выживания человека, несмотря на передовые стандарты, принятые в государстве.

Таким образом, устоявшееся в юридической науке определение правоспособности нуждается в новых подходах в части объема и момента возникновения, поскольку затрагивает более глобальные явления и процессы, связанные с развитием права на жизнь в современных условиях.

Список использованной литературы

1. Васильев А.В., Ларинбаева И.И. Конфликтогенные факторы системы местного самоуправления в России // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 119–121.

2. Ямалетдинова Н.В. Правовое регулирование создания и функционирования согласительных комиссий в Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник Института права Баш. гос. ун-та. 2019. № 2 (4). С. 19–25.

3. Латыпова Н.С. Развитие внешних форм сотрудничества органов местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 54–58.

4. Ларинбаева И.И. Диалектика равноправия и дискриминации: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2006. № 1. С. 10–18.

References

1. Vasiliev A.V., Larinbaeva I.I. Conflict-Generating Factors of Municipality System in Russia. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal,* 2019, no. 10, pp. 119–121. (In Russian).

2. YAmaletdinova N.V. Legal Regulation of the Creation and Functioning of Conciliation Commissions in the Federal Assembly of the Russian Federation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University,* 2019, no. 2, pp. 19–25. (In Russian).

3. Latypova N.S. The Development of Exterior Forms of Local Self-Governments Cooperation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2019, no. 4, pp. 54–58. (In Russian).

4. Larinbaeva I.I. Dialectics of Equal Rights and Discrimination: Theoretical Aspect. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice,* 2006, no. 1, pp. 10–18. (In Russian).

Информация об авторе

Ларинбаева Ильмира Ишмурзовна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;*
e-mail: lar-ilmira@mail.ru

Information about the Author

Larinbaeva Ilmira Ishmurzovna *– Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa;*
e-mail: lar-ilmira@mail.ru

УДК 340.116
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.2

Т. Б. Султанов, Р. Г. Юсупов

О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ»

Дата поступления 28 августа 2020 г.

В статье исследованы подходы к определению понятия «правовое регулирование». Установлено, что емкое определение этого относительно нового термина было сформулировано советскими учеными еще в 1960-е годы. Однако некоторые современные исследователи демонстрируют плюрализм мнений и предлагают свои версии определений, в основном включая в формулировки признаки правового регулирования, представляющиеся им наиболее важными. Анализ изученных дефиниций позволил заключить, что их смысловая глубина может быть различной, но сущность исследуемого явления от этого не меняется. Под регулированием в целом подразумевается упорядочивание, а под правовым регулированием – упорядочивание посредством права, которое характеризуется не отрицаемыми признаками: нормативностью, формальной определенностью, общеобязательностью и принудительностью. Комплекс этих признаков отличает право от иных регуляторов общественных отношений, например от морали или религии. И именно с учетом этих признаков правовое регулирование трактовалось в 1960-е годы. Политические, экономические и социальные изменения, произошедшие в постсоветской России, на суть явления не повлияли.

Ключевые слова и фразы: право, регулирование, правовое регулирование, общественные отношения, юридические нормы.

T. B. Sultanov, R. G. Yusupov

ON THE INTERPRETATION OF THE TERM «LEGAL REGULATION»

The article examines approaches to the definition of the concept «legal regulation». It was found that this new term was defined by soviet scientists in the 1960s. However, some modern researchers demonstrate the freedom of speech and propose their own versions of definitions. They often include in the formulation the features of legal regulation that seem to them the most important. The

© Султанов Т.Б., Юсупов Р.Г., 2020

analysis of the studied definitions made it possible to conclude that their semantic meaning may be different, but the essence of the studied phenomenon does not change from this. Regulation is understood as ordering. Legal regulation logically means ordering by means of law, which is characterized by: normativity, formal certainty, universality and compulsion. The complex of these features distinguishes law from other regulators of social relations, for example, religion or morality. Legal regulation was interpreted by scientists in the 1960s, taking into account these signs. The political, economic and social changes that took place in post-Soviet Russia did not affect on the essence of the phenomenon.

Keywords and phrases: law, regulation, legal regulation, public relations, legal norms.

Отечественная юридическая наука изучает термин «правовое регулирование» с середины XX в., то есть относительно недавно. Первым общетеоретическим его исследованием стала опубликованная в 1957 г. монография «Советское право – регулятор общественных отношений в СССР» ученого-юриста Л.С. Явича, готовившегося к защите докторской диссертации. Автор определил правовое регулирование как «все формы юридического воздействия государств на сознательную деятельность людей» [1, с. 35].

Критическая оценка этого определения последовала уже в следующем году. Так, Ю.К. Толстой в рецензии на монографию Явича отметил, что термин не настолько универсален и может рассматриваться исключительно в связи с реализацией норм права [2, с. 121]. Этот момент был учтен рядом авторов, и в литературе появились соответствующие определения. Так, И. Быстрихина и М. Лакатош определили правовое регулирование как «все формы влияния социалистического права на общество (на поведение людей), то есть руководство общественными процессами при помощи права» [3, с. 15].

В 1963 г. В.М. Горшенев опубликовал две работы – монографию и научную статью, в которых предложил два толкования правового регулирования. В монографии автор определил его как особый способ воздействия государства на общественные отношения, подчеркнув, что задача государства в данном случае заключается в организации подчинения воли участников общественных отношений своей (государства) воле [4, с. 31–32]. В статье же правовое регулирование истолковано как «особого рода государственная деятельность по упорядочиванию общественных отношений с помощью норм права» [5, с. 5]. Отдельные различия в формулировках не препятствуют пониманию основной идеи автора – правовое регулирование он связал с влиянием государства не просто на поведение людей или их деятельность, то есть на субъекты общественных отношений, а на сами общественные отношения.

В середине 1960-х годов научный опыт советских юристов обобщил С.С. Алексеев и сформулировал определение, которое не теряет актуальности и в наши дни. По мнению ученого, правовое регулирование – это «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны и развития в соответствии с общественными потребностями» [6, с. 5]. Сразу отметим, что авторитетное мнение члена-корреспондента Академии наук СССР, а затем и Российской академии наук профессора С.С. Алексеева закрепилось не только в более поздних его работах, но и в публикациях других авторов [7; 8; 9]. В постсоветский период эти исследования, по словам Н.В. Васильевой, стали, с одной стороны, ключом к пониманию правового регулирования, с другой – предметом критики и источником дискуссий современных юристов. Нынешний этап изучения проблемы, подчеркнула Н.В. Васильева, в целом характеризует плюрализм мнений и научных подходов [10, с. 110].

В литературе можно встретить и иные определения термина «правовое регулирование» (см. табл. 1).

Таблица 1

Определения понятия «правовое регулирование» в научных исследованиях

Автор(-ы)	Определение
1	2
В.К. Бабаев (1999)	осуществляемое при помощи права, других юридических средств воздействие на общественные отношения [11, с. 212]
Ю.А. Тихомиров (1998)	механизм нормативного упорядочения, организации и деятельности субъектов права и формирования устойчивого правопорядка [12, с. 327]
В.М. Сырых (2001)	единство трех взаимосвязанных компонентов: правотворчества, реализации норм права и применения юридической ответственности (охватывает все процессы, явления, характеризующие действие права в обществе) [13, с. 150]

Окончание таблицы 1

1	2
А.Ф. Черданцев (2003)	регулирование общественных отношений при помощи норм права и других юридических средств [14, с. 342]
А.В. Малько (2004)	осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения [15, с. 26]
М.Ю. Осипов (2008)	образующее определенную систему нормативное юридическое воздействие на общезначимые, волевые, повторяющиеся, устойчивые общественные отношения, которые входят в предмет правового регулирования, с целью их упорядочения, осуществляемое через определение основных элементов этих отношений [16, с. 6–7]
Л.А. Морозова (2010)	одна из форм воздействия права на общественные отношения, причем это воздействие осуществляется с помощью специфических правовых средств – норм права, правоотношения, актов реализации права [17, с. 293]
В.П. Гавриков (2015)	результативное правовое воздействие государства на общественные отношения в целях их упорядочения и установления правопорядка в обществе посредством правотворчества и реализации права [18, с. 66]
С.В. Максина, Е.А. Агеева (2017)	процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм, регулирующих практически все сферы жизни общества и строго обязательных для всех членов общества [19, с. 4]

На наш взгляд, противоречий в представленных определениях нет. Другое дело, что количество критериев и уточнений, лежащих в основе конкретного определения, разнится. Дискуссии нередко возникают, когда кто-то из исследователей приходит к выводу, что в определении должен быть уч-

тен какой-либо важный признак. Например, В.П. Гавриков пишет: «Существующие в юридической литературе определения правового регулирования страдают одним общим недостатком: они не охватывают этапа правотворчества» [18, с. 63].

Действительно, в большинстве определений правового регулирования этап правотворчества не упоминается. И все же критическое замечание представляется не вполне обоснованным. Во-первых, есть определения, в которых этот этап вместе с другими этапами правового регулирования учтен (например, в определении В.М. Сырых [13, с. 150]). Во-вторых, большинство дефиниций не касаются компонентов правового регулирования, но это не значит, что исследователи выпустили этот аспект из виду – в теории вопрос изучается не одно десятилетие.

Еще в 1963 г. В.М. Горшенев выделял два этапа правового регулирования: «создание норм права, или так называемое правотворчество», и «реализацию норм права» [5, с. 5]. Обратим внимание: Горшенев прямо указывает на правотворчество в рассуждениях по теме, но ни в одном из его определений (а здесь представлены два его определения, сформулированные в том же 1963 г.) о правотворчестве ничего не сказано.

Исследования предшественников проанализировал В.П. Гавриков [18, с. 64]. Сведения о стадиях правового регулирования, содержащиеся в трудах разных авторов, из статьи В.П. Гаврикова обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Стадии правового регулирования

Автор	Стадии правового регулирования
С.С. Алексеев	– формирование и действие юридических норм; – возникновение прав и обязанностей (правоотношений); – реализация этих прав и обязанностей; – применение права (факультативная стадия)
В.Б. Исаков	– регламентация общественных отношений (разработка юридических норм); – возникновение субъективных прав и юридических обязанностей; – реализация этих прав и обязанностей
В.М. Сырых	– правотворчество; – реализация норм права; – применение юридической ответственности к правонарушителям

Интерес представляет подход к выявлению и доступному объяснению сущности правового регулирования, который использовала Е.В. Белякович. Она толкует термин как «осуществляемое системой юридических средств воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения», но сразу после отнюдь не развернутого определения приводит перечень основных особенностей правового регулирования:

– правовое регулирование базируется на юридических нормах, разработанных государством; причем государство не только устанавливает юридические нормы (то есть официально принимает и вводит в действие нормативные правовые акты), но и придает им общеобязательную силу;

– правовое регулирование следует рассматривать как системное явление или согласованно функционирующий механизм, в котором задействованы не только юридические нормы, но также «индивидуальные государственные веления, правовые отношения» и пр.;

– правовое регулирование опирается на возможность использования принудительной силы государства (это касается лиц, нарушающих юридические нормы) [20, с. 4].

Нельзя сказать, что в научной литературе дискуссии возникали исключительно в связи с претензией на авторскую конкретизацию определения правового регулирования. Полемику вызывали и более принципиальные вопросы. Так, по мнению В.Н. Протасова, право регулирует не общественные отношения, как принято считать, а поведение людей [21, с. 31]. Однако эта позиция не нашла поддержки. Одни оппоненты, не комментируя точку зрения В.Н. Протасова, продолжают называть объектом правового регулирования общественные отношения (см. табл. 1), другие объясняют, почему версию ученого нельзя считать верной. Например, Е.Я. Мотовиловкер отметил, что регулирование посредством права возникает, когда в обществе проявляется «противоположность интересов». Право в такой ситуации наделяет субъектов конкретными правами и обязанностями, то есть переводит общественное отношение в форму правоотношения и, таким образом, актуализирует его. Именно так задается «способ правового воздействия – через определение прав и обязанностей субъектов», которые отражают сам факт существования общественного отношения (социальной связи). И именно так расшифровывается тезис «право регулирует общественные отношения» [22, с. 162].

В научной литературе признается, что общественные отношения не статичные явления. Они развиваются во времени и потому требуют постоянного управления и упорядочения. Соответственно, весь многоэтапный механизм правового регулирования находится в постоянном развитии, чтобы соответствовать духу времени [9, с. 175]. Также подчеркивается, что правовое регулирование распространяется на различные сферы отношений: имущест-

венные, охранительные (предотвращение и пресечение нарушений общественного порядка) и управленческие (обязательность решений вышестоящих органов и должностных лиц для нижестоящих органов, должностных лиц и граждан) [20, с. 7–8; 18, с. 66].

Таким образом, изложенное подводит к мысли, что смысловая глубина определения правового регулирования может быть различной. Под регулированием в целом подразумевается упорядочивание. Под правовым регулированием – упорядочивание посредством права. Дальнейшая конкретизация определения отвечает на вопросы: правовое регулирование чего? в отношении кого? каким образом? и др. И еще один важный момент. Если речь идет о правовом регулировании, то тогда отталкиваться надо от признаков права: нормативности, формальной определенности, общеобязательности, принудительности [23, с. 9–13]. В комплексе они отличают право от иных регуляторов общественных отношений, к числу которых относятся религия, обычаи и традиции, мораль и нравственность, природно-климатические условия и пр. Правда, стоит оговориться, что это утверждение приемлемо для России, но может не отражать действительность в некоторых других странах, где особую силу имеют, например, законы шариата.

Учтем последнее замечание, но заметим, что никто из специалистов не отрицает тесную связь правового регулирования с возникновением правовых норм. Правовые нормы разрабатываются государством и на территории этого государства обязательны для всех. Все другие нормы обязательны не для всех, ими руководствуются отдельные социальные группы.

Правовые нормы закрепляются в официальной форме, например, в законах, судебных решениях и пр. Религиозные, нравственные и иные нормы являются результатом устоявшихся убеждений. Правовые нормы логично вписываются в нормативную систему, иные нормы формируют обычно общие принципы и эталоны поведения. Соответственно, правовое регулирование начинается с момента появления правовых норм, переходя в дальнейшем на этапы реализации (в форму правовых отношений) и реакции государства на нарушения правовых норм. На основании изложенного констатируем: термин «правовое регулирование» приемлемо для России был истолкован еще в середине 1960-х годов, а произошедшие в стране в 1990-е годы политические, экономические и социальные изменения на суть явления не повлияли.

Список использованной литературы

1. Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад : [б. и.], 1957. 168 с.

2. Толстой Ю.К. Л.С. Явич. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Рецензия // Правоведение. 1958. № 4. С. 121–126.

3. Быстрихина И., Лакатош М. Некоторые вопросы правового регулирования в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1964. № 4. С. 15–23.

4. Горшенев В.М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М. : Госюриздат, 1963. 167 с.

5. Горшенев В.М. Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на советском этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 3–13.

6. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966. 187 с.

7. Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1995. 320 с.

8. Теория государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М. : Норма, 2005. 496 с.

9. Драчук М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий // Вестник Омск. ун-та. 2014. № 1. С. 173–180.

10. Васильева Н.В. Категория «правовое регулирование» в понимании отечественных юристов // Вестник Томск. гос. ун-та. 2010. Вып. 331. С. 109–112.

11. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. 591 с.

12. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М. : Юринформцентр, 1998. 798 с.

13. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1. Элементарный состав. М. : Юстицинформ, 2001. 528 с.

14. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2003. 395 с.

15. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юристъ, 2004. 290 с.

16. Осипов М.Ю. Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

17. Морозова Л.А. Теория государства и права. М. : Эксмо, 2010. 510 с.

18. Гавриков В.П. Теория государственно-правового регулирования: результаты специального исследования // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 9. С. 63–77.

19. Правовое обеспечение коммуникативной деятельности / сост.: С.В. Максина, Е.А. Агеева. СПб. : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 18 с.

20. Белякович Е.В. Понятие и пределы правового регулирования // Сибирск. юрид. вестник. 2006. № 4 (35). С. 3–8.

21. Протасов В.Н. Что и как регулирует право. М. : Юристъ, 1995. 95 с.

22. Мотовиловкер Е.Я. В.Н. Протасов. Что и как регулирует право. М., 1995. Рецензия // Известия высших учебных заведений. Сер.: Правоведение. 1996. № 2 (213). С. 160–162.

23. Честнов И.Л. Теория государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2. Теория права. СПб. : Санкт-Петербургск. юрид. ин-т Академии Ген. прокуратуры РФ, 2017. 116 с.

References

1. YAvich L.S. *Sovetskoe pravo – regulyator obshchestvennyh otnoshenij v SSSR* [Soviet Law Is the Regulator of Social Relations in the USSR]. Stalinabad, 1957. 168 p.

2. Tolstoy Yu.K. L.S. YAvich. Soviet Law – the Regulator of Social Relations in the USSR. *Pravovedenie = Jurisprudence,* 1958, no. 4, pp. 121–126. (In Russian).

3. Bystrikhina I., Lakatosh M. Some Questions of Legal Regulation in a Socialist Society. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law,* 1964, no. 4, pp. 15–23. (In Russian).

4. Gorshenev V.M. *Uchastie obshchestvennyh organizacij v pravovom regulirovanii* [Participation of Public Organizations in Legal Regulation]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 167 p.

5. Gorshenev V.M. The Growing Role of Social Organization andGroups of Workers in the Application of the Norms of Soviet Law at the Soviet Stage. *Pravovedenie = Jurisprudence,* 1963, no. 1, pp. 3–13. (In Russian).

6. Alekseev S.S. *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve* [The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State]. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1966. 187 p.

7. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [The Theory of Law]. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.

8. Alekseev S.S. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Norma Publ., 2005. 496 p.

9. Drachuk M.A. Management, Legal Impact and the Mechanism of Legal Regulation: the Relationship of Concepts. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University,* 2014, no. 1, pp. 173–180. (In Russian).

10. Vasilyeva N.V. Category «Legal Regulation» as Interpreted by Russian Lawyers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal,* 2010, vol. 331, pp. 109–112. (In Russian).

11. Babaev V.K. (ed.). *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1999. 591 p.

12. Tihomirov YU.A. *Kurs administrativnogo prava i processa* [Course in Administrative Law and Process.]. Moscow, YUrinformcentr Publ., 1998. 798 p.

13. Syryh V.M. *Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava. T. 1. Elementarnyj sostav* [Analytical Underpinning of the General Theory of Law. Vol. 1. Elementary composition]. Moscow, YUsticinform Publ., 2001. 528 p.

14. CHerdancev A.F. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, YUrist" Publ., 2003. 395 p.

15. Mal'ko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and Restrictions in Law]. Moscow, YUrist" Publ., 2004. 290 p.

16. Osipov M.YU. *Pravovoe regulirovanie kak dinamicheskaya sistema: ponyatie, struktura, funkcii. Avtoref. Kand. Diss.* [Legal Regulation as a Dynamic System: Concept, Structure, Functions. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 24 p.

17. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 510 p.

18. Gavrikov V.P. Theory of State and Legal Regulation: the Results of a Special Research. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education,* 2015, no. 9, pp. 63–77. (In Russian).

19. Maksina S.V., Ageeva E.A. *Pravovoe obespechenie kommunikativnoj deyatel'nosti* [Legal Support of Communication Activities]. Saint-Petersburg, LETI Publ., 2017. 18 p.

20. Belyakovich E.V. Concept and Bounds of Legal Regulation. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Law Herald,* 2006, no. 4, pp. 3–8. (In Russian).

21. Protasov B.H. *CHto i kak reguliruet pravo* [What and How the Law Regulates]. Moscow, YUrist" Publ., 1995. 95 p.

22. Motovilovker E.YA. B.H. Protasov. What and How the Law Regulates. Moscow, 1995. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya: Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Jurisprudence,* 1996, no. 2, pp. 160–162. (In Russian).

23. CHestnov I.L. *Teoriya gosudarstva i prava. CH. 2. Teoriya prava* [Theory of State and Law: Textbook. Pt. 2. Theory of Law]. Saint-Petersburg, 2017. 116 p.

Информация об авторах

Султанов Тимур Булатович *–*
юрисконсульт Акционерного общества ТГК «Монолит», г. Уфа;
e-mail: sultanovt898@gmail.com;

Юсупов Рахимьян Галимьянович *–*
доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа;
e-mail: yusupovr.g@yandex.ru

Information about the Authors

Sultanov Timur Bulatovich *–*
Legal Counsel of the Stock Company TGK «Monolit», Ufa;
e-mail: sultanovt898@gmail.com;

Yusupov Rakhimyan Galimyanovich *–*
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of State Law of the Institute of Law, of the Bashkir State University, Ufa;
e-mail: yusupovr.g@yandex.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.3

Е. О. Тулупова

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В ГЕРМАНИИ

Дата поступления 31 июля 2020 г.

Несмотря на востребованность, институт суррогатного материнства до сих пор не нашел поддержки и развития в законодательстве Германии. Необходимость изменения отношения к нему продиктована временем и чаяниями людей, столкнувшихся не только с проблемами со здоровьем, не позволившими им стать родителями, но и с неразрешимыми правовыми коллизиями и пробелами, не позволяющими признать детей, родившихся от суррогатной матери на территории других государств, своими в Германии.

Ключевые слова и фразы: суррогатное материнство, ребенок, альтруистическое суррогатное материнство, коммерческое суррогатное материнство, закон, норма.

E. O. Tulupova

SURROGACY IN GERMANY

It's no secret that even with the growing demand the institution of surrogacy has not yet found support and development in German legislation. The need to change attitudes towards this problem is dictated by the time and aspirations of people, who face not only with health problems that don't give them the possibility to become parents, but with unresolved legal conflicts that do not allow children born from a surrogate mother on the territory of other states to be recognized in Germany.

Key words and phrases: surrogacy maternity, child, altruistic surrogacy, commercial surrogacy, law, norm.

© Тулупова Е.О., 2020

Суррогатное материнство, при котором суррогатная мать помимо издержек на питание, медицинское обслуживание и пр. получает финансовую компенсацию за вынашивание ребенка, называется коммерческим суррогатным материнством. Эта форма законодательно разрешена и достаточно распространена в Грузии, Мексике (только для гетеросексуальных пар с мексиканским гражданством), России, Украине, США (не во всех штатах) и в ряде других стран. Существует и менее распространенная форма – альтруистическое суррогатное материнство, когда суррогатная мать не получает денежного вознаграждения, за исключением указанных издержек. Такое суррогатное материнство, когда женщина предлагает свое тело добровольно, на бескорыстной основе, является законным в Австралии, Канаде, Греции и в других странах [1]. В некоторых странах допускаются обе формы (альтруистическое и коммерческое), и в каждом случае, с учетом особенностей культуры, истории и правового регулирования в государстве, есть свои нюансы.

Институт суррогатного материнства в Германии уже много лет законодательно не поддерживается по этическим и моральным причинам, среди которых обычно называют следующие**:**

– между суррогатной матерью и ребенком во время беременности может возникнуть тесная связь, которую мать захочет сохранить. В будущем она может нанести ущерб интересам ребенка, если отношения ребенка с женщиной, которая его родила, не будут приняты во внимание его «родителями»;

– суррогатная мать может быть безразлична к протеканию беременности, а потому не станет подстраивать свою жизнь под потребности еще не рожденного ребенка, тем самым ставя под угрозу его здоровье;

– суррогатное материнство иногда влечет неопределенность и психологические конфликты между генетическими родителями и суррогатной матерью, ставя под угрозу благополучие детей;

– суррогатная мать всегда рискует здоровьем ради других;

– определение правового статуса суррогатного ребенка может вызывать ряд проблем, связанных с пробелами в законодательстве или различным правовым регулированием данного вопроса в некоторых странах.

Если быть точным, правовые нормы в Германии напрямую не содержат запрета суррогатного материнства, тем не менее законодатель предотвратил развитие подобных общественных отношений, например, с помощью законов о защите эмбрионов (EschG) и об усыновлении (AdVermiG). Врачам строго запрещено искусственно оплодотворять женщин, если после рождения ребенка они хотят передать его третьим лицам. Также запрещено донорство яйцеклеток, предназначенных в будущем для суррогатного материнства. В случае нарушения положений законов суррогатная мать или по-

тенциальные родители не наказываются, но врач, который злоупотребляет запрещенными репродуктивными методами, может понести наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

За публичное предложение или поиск суррогатных матерей предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере до 5000 евро. Однако закон не применяется, если суррогатная мать и родители находят друг друга в частном порядке.

Донорство мужских клеток, в отличие от женских, не запрещено. Трудно понять, почему существует такая норма, которая, по сути, является дискриминационной, а потому подобная политика государства все чаще критикуется общественностью, а закон о защите эмбрионов признается ею глубоко устаревшим, требующим на смену современного, по-новому регулирующего репродуктивную сферу.

Пытаясь противостоять подобным условиям, немецкие пары, желающие иметь детей от суррогатной матери, часто выезжают в другие страны, где данный институт законодательно разрешен и урегулирован. Однако и в этом случае они сталкиваются с огромными трудностями при въезде ребенка в Германию. Договор о суррогатном материнстве юридически не устанавливает родительства в соответствии с немецким законодательством, поскольку законодательство Германии предусматривает, что законной матерью ребенка является женщина, которая его родила. Даже если женщина и мужчина являются генетическими родителями ребенка, они не являются законными родителями. Их гражданство не передается ребенку. Статус ребенка в отношении генетических родителей, признанных родителями по закону другой страны, требует признания со стороны немецких властей. Правовая система сталкивается здесь с конфликтом интересов: с одной стороны, чтобы эффективно обеспечить запрет на суррогатное материнство в Германии, государство отказывает немецким родителям; с другой стороны, защита благосостояния ребенка, то есть обеспечение единства семьи и интересов ребенка и генетических родителей, требует признать законным родительство, установленное за границей.

Может ли суррогатная мать просто усыновить ребенка целенаправленно? Нет, потому что закон об усыновлении запрещает замену матери. Поэтому в Германии суррогатное материнство практически невозможно, даже если оно явно не запрещено. Но почему? Основной причиной, которую приводят законодатели, является защита благосостояния ребенка. У детей могут возникнуть психологические конфликты и проблемы с идентичностью, если они узнают, что у них две матери, одна из которых родила, а другая генетическая.

Подобная коллизия и жесткая негуманная практика правоприменителей существовала до 2014 г., до того как Федеральный суд вынес решение

по делу об иностранном суррогатном материнстве, согласно которому решения иностранных государств о признании немецких родителей родителями ребенка могут быть признаны в Германии, если хотя бы один из родителей генетически связан с ребенком, а суррогатная мать – нет. Это решение позволило частично снять напряжение в данном вопросе.

Обсуждение института суррогатного материнства уже давно идет во всем мире и тесно связано с выработкой ответов на центральные вопросы, касающиеся ценности человеческой жизни: есть ли право на ребенка от суррогатной матери; когда возникает право на жизнь; когда женщина является матерью юридически? Пока на них немецкое общество не нашло четких ответов. В Германии это деликатная тема, до последнего времени она фактически находилась под запретом.

Сегодня в немецком обществе (среди политических, общественных деятелей и обычных граждан) возникли разногласия, идет дискуссия об адаптации законодательства 30-летней давности к современным стандартам и их пониманию. Например, политик К. Хеллинг-Плар хочет изменить это. Она требует легализовать суррогатное материнство и донорство эмбрионов в Германии. По сравнению с другими странами Германия «слишком нерешительна» в этом вопросе. «Закон о защите эмбрионов безнадежно устарел и нуждается в реформировании», – сказала она берлинскому Tagesspiegel [2]. При этом К. Хеллинг-Плар противник коммерческого суррогатного материнства. По ее мнению, эта форма должна оставаться запрещенной в Германии. Политик защищает интересы женщин, которые хотят родить ребенка для своих родных или близких, не способных на это. Следует отдельно сказать, что партии ХДС и «Зеленых» пока против пересмотра законодательства Германии по этому вопросу.

Как видим, несмотря на востребованность, институт суррогатного материнства до сих пор не нашел должной поддержки и развития в законодательстве Германии. Он сталкивается с большим противостоянием. Хотя необходимость перемен продиктована временем и чаяниями людей, испытывающих не только проблемы со здоровьем, не позволяющие им стать родителями, но и проблемы, возникающие в связи с наличием правовых коллизий и пробелов, не позволяющих признавать детей, родившихся от суррогатной матери на территории других государств, своими в Германии.

Список использованной литературы

1. Leihmutterschaft: Für das Familienglück über Grenzen gehen // Eltern : сайт. URL: https://www.eltern.de/baby/fuer-das-familienglueck-ueber-grenzen-gehen (дата обращения: 19.06.2020).

2. Leihmutterschaft – was bedeutet das überhaupt? // RTL.de : сайт. URL: https://www.rtl.de/cms/leihmutterschaft-was-bedeutet-das-ueberhaupt-2012539.html (дата обращения: 19.06.2020).

References

1. Leihmutterschaft: Für das Familienglück über Grenzen gehen. Availableat: https://www.eltern.de/baby/fuer-das-familienglueck-ueber-grenzen-gehen. (In German).

2. Leihmutterschaft – was bedeutet das überhaupt? Available at: https://www.rtl.de/cms/leihmutterschaft-was-bedeutet-das-ueberhaupt-2012539.html. (In German).

Информация об авторе

Тулупова Елена Олеговна *– кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: lena118@yandex.ru*

Information about the Author

Tulupova Elena Olegovna *– Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: lena118@yandex.ru*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.1
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.4

В. С. Латыпов

ОКАЗАНИЕ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ КАК ГАРАНТ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Дата поступления 6 сентября 2020 г.

Автор анализирует действующее уголовно-процессуальное законодательство с позиции влияния лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, на реализацию принципа состязательности в уголовном процессе России. Рассмотрены основные уголовно-процессуальные возможности обеспечения равенства сторон при формировании стороной защиты доказательственной базы, определены дальнейшие пути развития уголовно-процессуального закона с целью усиления состязательных начал и обеспечения равноправия сторон за счет вовлечения лиц, оказывающих содействие правосудию.

Ключевые слова и фразы: содействие правосудию, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, сторона защиты, специалист, эксперт, доказательства, состязательность, равноправие, принцип.

V. S. Latypov

ASSISTANCE TO JUSTICE AS A GUARANTOR OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE OF THE PARTIES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

In this article, the author analyzes the criminal procedure legislation in force in the context of the influence of persons who assist in the administration of justice on the implementation of adversarial principle in the criminal process of

© Латыпов В.С., 2020

the Russian Federation. The main criminal procedure possibilities that ensure the equality of the parties in the process of the defense team's formation of the evidential basis, further ways of developing the criminal procedure law have been identified in order to inforce the adversarial principles and to achieve the equality of the arms by involving persons providing assistance to justice.

Keywords and phrases: assistance to justice, Criminal procedure rules of the Russian Federation, defense team, specialist, expert, evidence, adversarial, equality, principle.

Перед современным уголовным судопроизводством России стоит серьезная задача, заключающаяся в гармоничном соединении правовой деятельности по противодействию преступности с неукоснительным соблюдением закрепленных в конституционных и международно-правовых нормах прав и свобод человека и гражданина. В такой ситуации особое значение приобретают законодательно заложенные фундаментальные начала процессуальной отрасли – принципы уголовного судопроизводства.

Отличие действующего УПК РФ от своего предшественника, помимо прочего, заключается и в том, что впервые в его структуре предусмотрена самостоятельная глава, посвященная принципам уголовного судопроизводства (гл. 2). Не вдаваясь в подробности развернувшейся в научных кругах полемики о целесообразности такого подхода, структуры и содержания перечисленных принципов, отметим, что именно состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ) при осуществлении судопроизводства является ключевым принципом современного, правового, демократического государства. Предвосхищая возражения возможных оппонентов, готовых опровергнуть указанную позицию, отметим, что мы не умаляем значимости остальных принципов, все они для судопроизводства в равной степени важны, но именно принцип состязательности позволяет гражданам, по стечению обстоятельств вынужденным защищать свои интересы, ощутить на себе реализацию таких принципов, как законность, презумпция невиновности, уважение чести и достоинства личности и др.

Состязательность сторон в уголовном процессе России предполагает невозможность реализации основных процессуальных функций (обвинения, защиты, разрешения уголовного дела) одним и тем же органом или одним и тем же должностным лицом. Кроме того, суду законодательно запрещено осуществление уголовного преследования, в его обязанности входит создание сторонам необходимых процессуальных условий для реализации ими своих прав и выполнения возложенных обязанностей. И наконец, законодатель определяет равенство сторон перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Конституция РФ в одной из своих норм провозглашает, что только суд осуществляет

правосудие в стране (ч. 1 ст. 118), при этом судопроизводство должно осуществляться на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), именно поэтому в Основном законе также закреплено, что в отправлении правосудия могут принимать участие и граждане (ч. 5 ст. 32).

Возникновение, развитие и прекращение уголовно-процессуальных правоотношений регламентировано уголовно-процессуальным законодательством. Как правило, участие в осуществлении уголовного судопроизводства принимают государственные органы и должностные лица, реализующие функцию обвинения, суд, на который возложена функция разрешения уголовного дела, и граждане. Среди последних можно выделить тех, кто заинтересован в исходе уголовного дела и реализует функцию обвинения и защиты, и тех, кто вовлекается в уголовный процесс для оказания содействия в отправлении правосудия (предусмотренные гл. 8 УПК РФ).

Под содействием правосудию следует понимать оказываемую в ходе уголовного судопроизводства вспомогательную деятельность вовлеченных в уголовный процесс лиц, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультативной, технической или иной помощи сторонам и суду, должностным лицам и государственным органам, участниками процесса, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ.

Итак, содействие правосудию законодательно не определено как самостоятельная функция уголовного судопроизводства, но отрицать ее существование, а тем более значимость для полного, всестороннего и объективного расследования бесперспективно.

Рассмотрим значение деятельности лиц, оказывающих содействие правосудию, для обеспечения провозглашенной Конституцией РФ состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Континентальная модель уголовного процесса, к которой относится наше уголовное судопроизводство, предполагает осуществление расследования уголовных дел компетентными государственными органами следствия и дознания, как ранее было отмечено, относящимися к стороне обвинения, в задачи которых входит обнаружение, фиксация сбор и систематизация доказательств. Процессуальная же форма расследования выражается формировании так называемого уголовного дела, подготовленного в соответствии с требованиями инструкции по делопроизводству.

В обязанности органов следствия и дознания в рамках осуществления уголовного судопроизводства входит установление обстоятельств, требующих доказательств (ст. 73 УПК РФ). Осуществляется это путем сбора соответствующей информации, признаваемой в последующем доказа-

тельством, путем производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ).

Стороне обвинения процессуально противостоит сторона защиты, которая в соответствии с Конституцией РФ и УПК РФ равна стороне обвинения, безусловно, подразумевается, что и в процессуальных возможностях по собиранию, проверке и оценке доказательств. Но так ли это на самом деле?

Опытные процессуалисты, конечно, знают, что это не совсем так и причина кроется не в существующих пробелах закона, а в той самой континентальной модели уголовного процесса, к которой мы себя отнесли. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством России защитник (адвокат подозреваемого, обвиняемого) как представитель стороны защиты имеет достаточно усеченные права по сбору доказательств, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УПК РФ. К сожалению, для обеспечения состязательности сторон на равных условиях этого недостаточно.

Традиционно принято считать, что с целью обеспечения равенства сторон защита может воспользоваться предусмотренным п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ правом заявления ходатайств о производстве стороной обвинения того или иного следственного действия или приобщении в качестве доказательства той или иной информации. Но разве это лишний раз не подчеркивает отсутствие равенства сторон, когда одна сторона с целью обеспечения позиции защиты должна просить сторону обвинения о производстве действий, в которых она прямо не заинтересована, и имеет полное право в соответствии со ст. 122 УПК РФ отказать в удовлетворении ходатайства?

Но не все так безнадежно, как может показаться на первый взгляд. Состязательность в современном уголовном процессе России обеспечивается за счет привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию. Так, предусмотрев право защитника на привлечение специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), законодатель обеспечил состязательность сторон по привлечению лиц, обладающих специальными знаниями [1]. Заключение и показания специалиста, как и заключение и показания эксперта, являются равнозначными самостоятельными доказательствами. Кроме того, в соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2020 г. № 58 по ходатайству сторон или инициативе суда для оказания помощи в оценке заключения эксперта и к допросу эксперта может привлекаться лицо, обладающее специальными знаниями в качестве специалиста.

Кроме того, Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ исключена возможность отказа стороне защиты в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста к производству по уголовному делу (ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ), что свидетельствует о попытке законодателя усилить состязательные начала в уголовном процессе.

Но этого недостаточно. В настоящее время Министерством юстиции РФ разработан комплекс поправок в УК РФ и УПК РФ, направленных в том числе на укрепление состязательности в уголовном судопроизводстве. Так, предложено внести изменения в ст. 159 УПК РФ, в которой предлагается по аналогии с ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ исключить возможность отказа стороне защиты в удовлетворении ходатайства о допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Кроме того, предлагается закрепить обязанность лиц, осуществляющих уголовное преследование, гарантировать защитнику участие в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству подозреваемого или обвиняемого, а также гарантировать участникам процесса возможность приобщения к материалам уголовного дела представляемых ими заключений специалиста и (или) иных документов [2].

Предложенные изменения видятся весьма перспективными и необходимыми, но их недостаточно для обеспечения равноправного состязательного производства с участием лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Это, безусловно, не единственный элемент проявления состязательности с привлечением лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия. В суде традиционной процедурой является производство допроса свидетелей, выступающих как на стороне обвинения, так и на стороне защиты.

В качестве дальнейшего вектора развития законодательства с целью укрепления состязательных начал предлагается также рассмотреть возможность назначения и производства судебных экспертиз стороной защиты с последующим признанием заключения эксперта полноценным доказательством [3]. Следует предусмотреть право следователя или дознавателя присутствовать в ходе производства таких экспертиз. В случае несогласия с их результатами за дознавателем или следователем остается право назначения повторных или дополнительных экспертиз в соответствии со ст. 207 УПК РФ.

Таким образом, содействие правосудию как самостоятельная функция уголовного судопроизводства не определена законом, но она имеет одно из ключевых значений в обеспечении состязательности современного уголовного судопроизводства России за счет вовлечения в уголовный процесс лиц, оказывающих это содействие. Российский уголовный процесс ввиду его отнесения к континентальной модели правосудия предполагает неравнозначные полномочия сторон по сбору и оценке доказательств, что вызывает необходимость создания дополнительных процессуальных гарантий стороне

защиты для реализации принципа состязательности и равенства сторон. Существующие процессуальные гарантии, призванные уравнять процессуальные полномочия сторон, недостаточно справляются с возложенными на них задачами и требуют дальнейшего совершенствования действующего процессуального законодательства, направленного на усиление состязательных начал путем вовлечения лиц, оказывающих содействие правосудию.

Список использованной литературы

1. Латыпов В.С., Салахова Ж.В. Отдельные вопросы применения специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними : моногр. М. : Юрлитинформ, 2017. 336 с.

2. Кривцов Э. Минюст предложил поправки в УК и УПК, дающие адвокатам беспрецедентные права и гарантии // Legal.report. 2020. 1 сент. URL: https://legal.report/minjust-predlozhil-popravki-v-uk-i-upk-dajushhie-advokatam-besprecedentnye-prava-i-garantii (дата обращения: 5.09.2020).

3. Латыпов В.С. Оптимизация судебно-экспертной деятельности в России: уголовно-процессуальный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2. С. 121–124.

References

1. Latypov V.S., Salahova ZH.V. *Otdel'nye voprosy primeneniya special'nyh znanij pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh nesovershenno-letnimi* [Separate Issues of Special Knowledge Application in the Process of Crimes' Investigation Committed by Minors]. Moscow, YUrlitinform Publ., 2017. 336 p.

2. Krivtsov E. The Ministry of Justice Proposed Amendments to the Criminal Code and the Criminal Procedure Code, Giving Lawyers Unprecedented Rights and Guarantees. Available at: https://legal. report/minjust-predlozhil-popravki-v-uk-i-upk-dajushhie-advokatam-besprecedentnye-prava-i-garantii. (In Russian).

3. Latypov V.S. Optimization of Judicial and Expert activity in Russia: Criminal Procedural Aspect. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice,* 2015, no. 2-2, pp. 121–124. (In Russian).

Информация об авторе

Латыпов Вадим Сагитьянович *–*
кандидат юридических наук,
доцент, заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического
института МВД России,
майор полиции, г. Уфа;
e-mail: vadi-latypov@yandex.ru

Information about the Author

Latypov Vadim Sagityanovich *–*
Candidate of Sciences (Law),
Associate Professor, Deputy Chief
of the Chair of Criminal Law of the
Ufa Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia,
Police Major, Ufa;
e-mail: vadi-latypov@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.5

Н. Е. Шонин

ОБ ИНСТИТУТЕ ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ

Дата поступления 8 августа 2020 г.

Признание государств и правительств в современном мире, когда в международных отношениях активнее (особенно после распада Советского Союза) стали проявляться дезинтеграционные процессы, стало актуальной проблемой, серьезно осложняющей сотрудничество государств и подвергающей испытаниям их национальную безопасность и систему международной безопасности в целом. Настоятельной задачей стало устранение разночтений в понимании этого явления и выявление специфики признания государств и правительств как политического средства установления отношений с новыми государствами, имеющего юридические последствия. Автор считает, что признание государств и правительств не является ни правовым институтом, ни институтом вообще, поскольку не регламентируется никакими международными конвенциями, а юридические последствия признания не меняют его политической сущности. Правильнее в данном случае употреблять выражение «международное признание».

Ключевые слова и фразы: международное право, институт, признание государства, признание правительства, система права, нормы права, отрасль права, критерии признания, кодификация.

N. E. Shonin

ON THE INSTITUTION OF STATES AND GOVERNMENTS RECOGNITION

The recognition of states and governments nowadays when the disintegration processes became more vigorous in international affairs (especially after the breakup of the Soviet Union), has become an urgent problem that seriously com-

© Шонин Н.Е., 2020

plicates the states collaboration and puts their national security and the international security system to the very stern test. An intensive need to remove doubts in understanding this phenomenon and to identify the specifics of states and governments recognition as political means of establishing relations with new states has appeared. The author supposes that that the recognition of states and governments is neither a legal institution, nor an institution in general, as it is not regulated by any international convention and the legal consequences of recognition do not change its political entity. In this case it is more correct to use the expression "international recognition".

Keywords and phrases: international law, institution, recognition of the state, recognition of the government, system of law, rules of law, branch of law, recognition criterion, codification.

Институт признания – привычный термин в науке международного права. Чаще всего авторы пишут о международно-правовом признании государств и правительств. Но является ли признание институтом права? Что принято считать институтом? Рассмотрим несколько мнений.

Н.И. Матузов и А.В. Малько считают, что под институтом права следует понимать сравнительно небольшую, устойчивую группу правовых норм, созданных для регулирования определенной разновидности общественных отношений [1].

Схожее определение дают и иностранные авторы. В частности, профессор Лейпцигского университета П. Терц в своей работе «Die Völkerrechtstheorie, Versuch einer Grundlegung in den Hauptzügen» («Теория международного права. Опыт закладки основ в главных чертах») называет институт международного права правовым образованием или правовым феноменом, созданным международными конвенциями [2].

Мнения о том, что правовые институты представляют собой совокупность норм, сформировавшихся внутри соответствующей отрасли права, придерживаются многие отечественные ученые. При этом М.Н. Марченко подчеркивает, что они не только существуют и функционируют в пределах отраслей права, но и формируют структуру отрасли [3, с. 562].

Иной взгляд на сущность институтов и отраслей у Н.А. Ушакова. По его мнению, институты права по иерархии выше отраслей права, поскольку речь идет о совокупности и системе или подсистеме норм, которые регулируют отношения во всех сферах международного общения. Отраслью он считает совокупность норм, которые регулируют только определенный вид международных отношений, то есть рассматривает отрасль более узко и приводит в качестве примера отрасли международного права «регулирование по поводу использования и исследования морских пространств» [4, с. 17]. Но этот

вид регулирования является составной частью международного морского права – отрасли международного публичного права.

Большинство авторов единодушно признают, что правовые институты состоят из норм права и формируют структуру каждой отрасли права. А какие нормы права содержит «институт международно-правового признания» и в какую отрасль права он входит? Ответ однозначный: нет ни норм, ни отрасли. Ведь нормы международного права закрепляются в международных конвенциях, а по поводу признания государств нет ни одной конвенции. Показательно в этом плане мнение Н.А Ушакова, справедливо утверждающего, что признание, как и протест, – политический акт в межгосударственных отношениях, влекущий в некоторых случаях существенные международно-правовые последствия. Таковыми актами являются – и с этим согласны все – признание государств и правительств, национально-освободительные движения и движения сопротивления, признание статуса воюющей и восставшей стороны во внутригосударственном конфликте [4, с. 91–92]. Ученый отмечает, что в международно-правовом плане эти акты не регламентированы. Следовательно, признание не может считаться институтом вообще. Кроме того, признание новых государств и правительств – исключительная прерогатива суверенных государств, и даже ООН не имеет права ни признавать государства, ни требовать признания новых государств или новых правительств, что отмечено Справочной группой Департамента общественной информации.

Таким образом, институт признания государств и правительств не является институтом, а тем более правовым институтом. Это политический акт, и для его обозначения следует употреблять выражение «международное признание государств и правительств».

Ни слова о правовом характере признания нет и у Ф.Ф. Мартенса, сторонника декларативной теории, который считал, что признание только констатирует появление нового государства [5, с. 184].

Международно-правовым институтом признание государств и правительств может стать только в результате его кодификации, но это противоречит основополагающему принципу суверенитета государств, их праву самостоятельно и независимо решать, какое государство признавать, а какое нет. Сомневается в возможности кодификации признания государств и И.И. Лукашук, хотя и называет его по привычке институтом, отмечая тем не менее, что признание государств особенно тесно связано с политикой и потому попытка Комиссии международного права ООН кодифицировать признание как институт международного права оказалась несостоятельной [6, с. 346].

Но какие нормы, якобы относящиеся к этому «институту», обнаружили И.И. Лукашук и другие авторы, если ни в Уставе ООН, ни в Декларации о

принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, ни в одной международной конвенции нет ни слова о признании государств?

Единственная и притом косвенная связь с международным правом заключается в том, что признание государства или правительства влечет юридические последствия, а именно обязательство признающего государства признать политическую и правовую системы признаваемого государства и установить с ним тот или иной вид отношений, а в случае признания де-юре – установить дипломатические отношения. При этом принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом отнюдь не обязывает всех сотрудничать со всеми и тем более признавать друг друга. Так, среди государств – членов ООН могут быть и государства, не признающие друг друга, но участвующие в подготовке и принятии резолюций этой организации.

Подтверждают справедливость такой точки зрения и авторы «Большого юридического словаря»: «Непризнанное государство может быть членом ООН, так как устав ООН не требует, чтобы этому предшествовало признание. Вместе с тем прием непризнанного государства в международную организацию также не означает его признания со стороны тех государств, которые голосовали за его принятие, а лишь подтверждает, что оно является субъектом международного права с момента своего возникновения. Теоретически международная правосубъектность вновь возникшего государства никоим образом не зависит от его признания. Поэтому международно-правовое признание государства имеет значение скорее политического, чем правоустанавливающего обстоятельства» [7].

Тем не менее большинство отечественных авторов продолжают по заученной привычке называть признание международно-правовым институтом, а некоторые из них (особенно диссертанты) договариваются до утверждения, что институт признания якобы является старейшим институтом международного права, и даже защищают диссертации [8; 9], не задумываясь о том, что в древние времена никому в голову не приходила даже такая идея, да и международного права не существовало, были только зачатки права в форме обычаев.

И еще один важный момент следует отметить: действия одного государства права не создают. Поэтому нельзя согласиться с утверждением И.И. Лукашука о том, что признанием государство признает факт образования нового государства и тем самым его международно-правовую субъектность [6, с. 348]. Такого же мнения придерживаются авторы учебника по международному публичному праву под редакцией К.А. Бекяшева. Они утверждают, что посредством международного признания юридически признается появление нового субъекта международного права [10, с. 76].

Но ведь международно-правовая субъектность предполагает и международную правоспособность, а ею обладают в настоящее время только государства – члены ООН. То, что непризнанное или частично признанное государство все равно подпадает под действие принципов международного права, то есть является его объектом, еще не делает его правоспособным и, следовательно, не наделяет его международной правосубъектностью, во всяком случае, полной.

Вызывает сомнения и мнение авторов учебника под редакцией Г.В. Игнатенко и О.В. Тиунова о значении признания государства для международных отношений, ведь они пишут не просто о признании государств, а о государствах, обретших полную международную правосубъектность, поскольку только они могут участвовать в формировании международно-правовых норм [11, с. 64].

А если государство признано несколькими государствами или всего одним? Как это частично признанное государство сможет в полной мере участвовать в международном общении и сотрудничестве, согласовывать международно-правовые нормы, не будучи членом ООН?

Примечательно, что и авторы «Википедии» такого института не называют. Называются только институт международно-правовой ответственности и институт правопреемства, которые действительно включают в себя международно-правовые нормы [12]. Более того, на Западе проблематикой отраслей и институтов почти не занимаются.

Уже упомянутый нами П. Терц пишет по этому поводу: «Сначала следует предпослать замечание, что почти исключительно юристы-международники бывшего Советского Союза обратились к проблематике отраслей и что, кроме того, через вторичные критерии не может быть сформулирована единая точка зрения» (перевод мой. – *Н. Ш.*) [2]. Ссылаясь на мнение Д.И. Фельдмана о том, что институт часто рассматривается как «слишком широкое, расплывчатое и неопределенное» понятие [13, с. 39], он делает вывод: в действительности преобладает «неразбериха в понятиях» [2].

Примечательно, что, трактуя международно-правовое признание, многие авторы все-таки отмечают именно политический его характер. Так, Н.А. Ушаков не только подчеркивает политический характер признания государства, но и то, что признание не регламентировано международным правом [4, с. 91–92].

Нельзя считать правовой нормой и рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН и Совета Безопасности не признавать государства, которые были образованы в результате прихода к власти меньшинства, проводящего расистскую или иную неприемлемую с точки зрения гуманитарного права политику, либо образованные в ходе агрессии или оккупации территории

другого государства. Так, после провозглашения в 1965 г. независимости Южной Родезии Совбез ООН призвал не признавать «незаконный режим расистского меньшинства».

Не могут придать международному признанию государств и правительств статус института теории и формы признания, ибо они являются только теоретическими обобщениями фактов действительности в рамках науки международного права.

Особо следует рассмотреть критерии признания. В основе их в настоящее время лежит, как пишет В.Л. Толстых, международно-правовой обычай [14, с. 358], хотя на региональном уровне предпринимались попытки придать им нормативный характер. Так, в 1991 г. министры иностранных дел стран Евросоюза (члены Совета Европейского союза) предложили наряду с Копенгагенскими критериями для приема в члены Европейского союза критерии, которым должно соответствовать каждое новое государство для его официального признания: соблюдение положений Устава ООН; уважение принципа нерушимости границ; уважение прав и свобод человека, построение демократического режима, гарантирование прав этнических и национальных меньшинств; принятие обязательств, касающихся разоружения и нераспространения ядерного оружия; мирное разрешение региональных споров, в том числе связанных с вопросами правопреемства. Данные критерии носят рекомендательный характер [14, с. 368] и потому не могут быть причислены к правовым нормам, тем более что они касаются только стран – членов Европейского союза.

И еще одно замечание. Некая Н.В. Александрова характеризует признание государств как «один из самых сложных, противоречивых и в то же время динамично развивающихся институтов системы внутригосударственного и международного права» [8]. А что здесь сложного? Одно государство либо признает другое государство, либо не признает. Государство само и независимо от других выбирает ту или иную форму признания. Это его суверенное право. При этом мотивация может быть либо сугубо политической (геополитической), либо меркантильной (ожидание выгоды, как это дважды проделала Тувалу в отношении Китайской Республики), либо идеологической (Советский Союз в отношении Кубы), либо сочетанием их, а правовые последствия зависят от формы признания (de jure, de facto или ad hoc) и от реакции других государств. Противоречие состоит в том, что признание является сугубо политическим актом, а его по привычке, кем-то когда-то заведенной, продолжают называть правовым институтом. Динамика же заключается в том, что к распространенной в древности форме признания de facto в XX в. добавились благодаря исследованиям теоретиков науки международного права и потребностям практики взаимодействия государств формы de jure и ad hoc.

Из всего следует вывод: признание государств и правительств не является ни правовым институтом, ни институтом вообще, поскольку не регламентируется никакими международными конвенциями, а юридические последствия признания не меняют его политической сущности, тем более что их может и не быть. Ведь акт о признании налагает обязательство только на признающее государство, а признаваемое в силу своего суверенитета ipso facto может по политическим, идеологическим и иным соображениям просто проигнорировать это признание. Поэтому правильнее употреблять выражение «международное признание». Правовым институтом признание государств / правительств может стать только в результате его кодификации, а это в настоящее время невозможно, что уже показала неудавшаяся попытка Комиссии международного права ООН.

Список использованной литературы

1. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. 2-е изд. М. : Юристъ, 2005. 541 с. URL: https://lawbook.online/gosudarstva-prava-teoriya/pravovoy-institut-ponyatie-priznaki-41995.html (дата обращения: 21.07.2020).

2. Terz P. Die Völkerrechtstheorie, Versuch einer Grundlegung in den Hauptzügen, Pro theoria generalis Scientiae Iuris inter Gentes, in : Papel Politico, 2006/11/2, S.683-737. hrsg, von der Facultad de Ciencias Politicas y Relaciones Internacionales, Pontificia Universidad Javeriana. URL: http://blog.panosterz.de/?p=8265 (дата обращения: 29.07.2020).

3. Марченко М.Н. Теория государства и права. 2-е изд. М. : ТК Велби : Проспект, 2006. 640 с.

4. Ушаков Н.А. Международное право : учебник. М. : Юрист, 2000. 304 с.

5. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. В.А. Томсинова. М., 1996. Т. 1. 368 с.

6. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.

7. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2003. 703 с.

8. Александрова Н.В. Правовой институт признания государств : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 174 с. URL: http://www.dissercat.com/content/pravovoi-institut-priznaniya-gosudarstv#ixzz5AIuRaFBw (дата обращения: 29.07.2020).

9. Гасымов Ф.Р. Признание государств и правительств. Современная международно-правовая теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. 199 с. URL: https://www.dissercat.com/content/priznanie-gosu-

darstv-i-pravitelstvsovremennaya-mezhdunarodno-pravovaya-teoriya-i-praktika (дата обращения: 21.07.2020).

10. Международное публичное право : учебник. / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекяшев, К.А. Бекяшев [и др.] ; отв. ред. К.А. Бекяшев. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2005. 784 с.

11. Международное право : учебник / отв. ред.: Г.В. Игнатенко и О.В. Тиунов. М. : Норма: Инфра-М, 2010. 783 с.

12. Международное право // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_право (дата обращения: 29.07.2020).

13. Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1965. 258 с.

14. Толстых В.Л. Курс международного права. М. : Волтерс Клувер, 2009. 1056 с.

References

1. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 2nd ed. Moscow, YUrist" Publ., 2005. 541 p. Available at: https://law-book.online/gosudarstva-prava-teoriya/pravovoy-institut-ponyatie-priznaki-41995.html. (In Russian).

2. Terz P. Die Völkerrechtstheorie, Versuch einer Grundlegung in den Hauptzügen, Pro Theoria Generalis Scientiae Iuris inter Gentes, in : Papel Politico, 2006/11/2, S.683-737. hrsg, von der Facultad de Ciencias Politicas y Relaciones Internacionales, Pontificia Universidad Javeriana. Available at: http://blog. panos-terz.de/?p=8265. (In German).

3. Marchenko M.N. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 2nd ed. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2006. 640 p.

4. Ushakov N.A. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, YUrist Publ., 2000. 304 p.

5. Martens F.F.; Tomsinov V.A. (ed.). *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannyh narodov* [Modern International Law of Enlightened People]. Moscow, 1996, vol. 1. 368 p.

6. Lukashuk I.I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. General Part] 3rd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 432 p.

7. Suharev A.YA., Krutskih V.E. (ed.). *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [The Great Legal Dictionary]. 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2003. 703 p.

8. Alexandrova N.V. *Pravovoj institut priznaniya gosudarstv. Kand. Diss.* [Legal Institution for the Recognition of States. Cand. Diss.]. Nizhnij Novgorod,

2009. 174 p. Available at: http://www.dissercat.com/content/pravovoi-institut-priznaniya-gosudarstv#ixzz5AIuRaFBw. (In Russian).

9. Gasymov F.R. *Priznanie gosudarstv i pravitel'stv. Sovremennaya mezhdunarodno-pravovaya teoriya i praktika. Kand. Diss.* [Recognition of States and Governments. Modern International Legal Theory and Practice. Cand. Diss.]. Kazan', 2005. 199 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/priznanie-gosudarstv-i-pravitelstvsovremennaya-mezhdunarodno-pravovaya-teoriya-i-praktika. (In Russian).

10. Anufrieva L.P., Bekyashev D.K., Bekyashev K.A.; Bekyashev (ed.). *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. 4th ed. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2005. 784 p.

11. Ignatenko G.V., Tiunov O.V. (ed.). *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2010. 783 p.

12. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международное_право. (In Russian).

13. Feldman D.I. *Priznanie gosudarstv v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Recognition of States in Modern International Law]. Kazan', Kazanskij universitet Publ., 1965. 258 p.

14. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Course]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 1056 p.

Информация об авторе

Шонин Николай Егорович *– кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа; e-mail: shonin_nick@mail.ru*

Information about the Author

Shonin Nikolay Egorovich *– Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Bashkir State University, Ufa; e-mail: shonin_nick@mail.ru*

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.72
DOI 10.33184/vest-law-bsu-2020.7.6

О. В. Полстовалов

К ИССЛЕДОВАНИЮ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ МОШЕННИЧЕСТВА В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Дата поступления 7 сентября 2020 г.

В статье рассматриваются способы реализации преступных намерений по фактам совершения организованного мошенничества, используемые злоумышленниками в последнее время. Автор останавливается на их связи с определенной сферой экономической деятельности. Предпринимается попытка увязать способы совершения организованных форм мошенничества с логикой и прагматикой действий преступников, приводится типологизация основных направлений приложения криминальных усилий для совершения деяний подобного рода. Выбор темы статьи обусловлен наличием современных тенденций развития и метаморфозами способов совершения организованных форм мошенничества, которые в своей криминальной рациональности опережают адекватность криминалистического обеспечения расследования и раскрытия преступлений рассматриваемого вида.

Ключевые слова и фразы: способ совершения преступления, криминалистическая характеристика, организованные формы мошенничества, экономическая деятельность, криминалистика.

O. V. Polstovalov

TO THE STUDY THE METHODS OF COMMISSION ORGANIZED FORMS OF FRAUD IN NEW ECONOMIC REALITY

The paper presents the methods of implementation criminal intents on the facts of committing organized fraud, which have recently been used by law viola-

© Полстовалов О.В., 2020

tors. The author examines their implication in a certain area of economic activity. An attempt to link the methods of committing organized forms of fraud with the logic and pragmatics of the criminals actions is made, a classification of the main principles of making criminal efforts to commit acts of this kind is given. The choice of the topic is conditioned by the modern development trends and metamorphoses of ways of committing organized forms of fraud, that in their criminal rationality outstrip the adequacy of forensic support for the investigation and solution of such crimes.

Keywords and phrases: method of committing a crime, forensic characteristics, organized forms of fraud, economic activity, forensic science.

Казалось бы, безвозвратно ушло в прошлое время титанов отечественной криминалистики, но в материи науки всегда были и остаются светлые и принципиальные исследователи, которые постоянно приносят что-то новое, а их работы не просто интересны и полезны для следственной и судебной практики, профессионального роста их учеников и последователей, а являются основой, не позволяющей криминалистике бесповоротно скатиться в наукообразное перемалывание давно уже набивших оскомину идей и мнений. Юбилей одного из таких светочей отечественной криминалистики, Валерия Николаевича Карагодина, мы отмечали в сентябре текущего года в рамках конференции, прошедшей в Екатеринбурге в формате, наиболее точно подчеркивающем несомненные научные достижения ученого. Эта статья посвящена его творчеству, поскольку немалое новое, что в криминалистике есть, напрямую или косвенно связано с его исследованиями, а вклад В.Н. Карагодина в развитие криминалистической науки поистине неоценим. Здесь есть и личное: становление автора статьи как ученого неразрывно связно с В.Н. Карагодиным, который не только выступал официальным оппонентом по кандидатской диссертации в далеком 2000 г., но и в основных принципах своей научной добросовестности, профессионализма и смелости мысли показал пример для подражания.

Мошенничество в последние годы становится чем-то сродни предпринимательской инициативе, чуть ли не нормативной экономической рациональностью в тех сферах, где «несчастным предпринимателям» и, как правило, небескорыстно сочувствующим им государственным и муниципальным служащим мешают устаревшие нормативные правовые акты, назойливость надзорных и правоохранительных органов и пр. Мошенничество в самой общей трактовке как некое недобросовестное, обманное стремление к наживе через различного рода удобоваримые формы превращается в своего рода всепроникающую модель поведения, уже принимаемую, даже порой с сочувствием, в обществе.

Выдающийся мыслитель современности А.А. Зиновьев писал, что «за счет истины не проживешь, а за счет лжи кормятся легионы бездарностей, невежд, жуликов», и уточнял: «Мы тратим на производство лжи больше средств и интеллектуальных усилий, чем на прочие сферы производства. Мы завалили планету ложью до такой степени, что мы уже утратили способность реагировать на нее. Но при этом мы утратили способность воспринимать и истину. Вернее, мы лишь истину воспринимаем как ложь» [1]. Именно поэтому мошенничество как обманный путь к обогащению, остающийся весьма условно и в определенных рамках эфемерной общественной опасности уголовно наказуемым деянием, процветает на ниве деградации современного нам либерально-буржуазного общества. Здесь я хочу попросить прощения за те допущения и огрехи в квалификации деяний как мошенничества, которые могут заметить пытливые умы специалистов по уголовному праву.

Еще одно допущение, которое позволительно в формате статьи, сводится к тому, что о теории способа совершения преступления, думается, уместно умолчать в пользу прикладного материала. В.Н. Карагодин, признавая обоснованность претензий следователей к излишней теоретизированности криминалистических публикаций, справедливо отмечает: «Задача ученых, используя достижения своей отрасли науки, накопленные знания, повышать их качество и объем, расширять возможности практиков, а не отсылать их к разного рода мессиям и пророкам» [2, с. 30].

Наконец, третье допущение, которое позволит себе автор, сводится к рассмотрению криминалистической характеристики мошенничества применительно одному из ключевых его элементов – способу – как некой обобщенной рациональности преступной деятельности без вожделенных корреляционных зависимостей между составляющими ее элементами, к которым, думается, можно прийти только в результате применения методов математического моделирования.

Организованные формы мошенничества настолько разнообразны, что типологизация способов данного рода посягательств, направленных на сокращение сроков, затрачиваемых усилий и средств, а главное – на максимизацию криминального дохода и минимизацию рисков привлечения к уголовной ответственности, имеет смысл применительно к конкретным сферам реализации преступных намерений: строительство, потребительский рынок, игорный бизнес, страхование, банковская деятельность и пр. При этом следует понимать, что если сокращение сроков и операционных затрат имеющихся ресурсов носит инструментальный характер (средство достижения цели) в реализации преступных намерений, то обеспечение безопасности от уголовного преследования виновных – обусловливающее направление (создание «комфортных» для преступников условий), а получение максималь-

ной доходности – это сама содержательная сторона применения того или иного способа совершения организованных форм мошенничества (самоцель). Впрочем, как показывает практика, в инструментальной рациональности способа совершения мошенничества нередко заложены основы обеспечения безопасности от самой возможности уголовного преследования действительных бенефициаров мошеннической схемы.

Организованные группы мошенников если и действуют рационально, то далеко не всегда безупречно, избирая порой не самую лучшую стратегию. Типичной ошибкой изобличенных мошеннических групп является гипертрофированное стремление к наживе с минимизацией или полным игнорированием задачи обеспечения безопасности от уголовного преследования. Лишь наиболее успешные группы мошенников действуют с оглядкой на негативную для них перспективу изобличения. Способы прикрытия в этой системе координат избираются, как правило, по мере падения очередного «оборонительного редута»:

1) придание действиям видимой законности (заключение гражданско-правых договоров, «просуживание» инспирированного спора о праве и создание преюдиции, выполнение параллельной социально полезной роли в виде благотворительности, гуманитарных акций и пр.);

2) попытки представить правонарушение не как криминальное, а как административное или гражданско-правовое;

3) принесение в жертву рядовых членов преступной группы, в том числе с попытками выставить таковых как главных действующих лиц криминальной организации;

4) противодействие уголовному преследованию уже по факту всестороннего, полного и объективного досудебного и судебного производства по уголовному делу.

При этом по мере падения одной из перечисленных систем защиты мошенники и обеспечивающие их безопасность коррумпированные чиновники и недобросовестные защитники переходят к следующей. Нередко попытки вернуться к отброшенной уголовным преследованием и несостоятельной системе защиты имеют место в ходе всего уголовного преследования.

Организованные формы мошенничества по избираемым способам криминального обогащения и обеспечения безопасности от уголовного преследования варьируются в зависимости от сферы реализации преступных намерений:

1) кредитование, банковская и ростовщическая деятельность;

2) финансовые пирамиды и псевдоинвестиционная деятельность;

3) оказание услуг и торговля;

4) производство товаров;

5) манипуляция сознанием посредством организации различного рода псевдотренингов, тоталитарных сект, закрытых деструктивных сообществ;

6) строительство;

7) государственное и муниципальное управление и связанная с ним деятельность;

8) страховая деятельность;

9) компьютерная информация и использование высоких технологий;

10) организация игорного бизнеса;

11) антикризисное управление проблемными активами, банкротство юридических и физических лиц.

Разумеется, существуют организованные формы мошенничества и без привязки к конкретной сфере того или иного вида экономической деятельности, поскольку представляют собой полностью криминальный бизнес без всякого удобоваримого прикрытия.

Организованные формы мошенничества в определенной сфере экономической деятельности по способам реализации условно можно подразделить на две категории: высокой степени прикрытия под видом законной деятельности (рискоориентированные способы совершения мошеннических действий) с соответствующим документарным и организационным сопровождением; без видимого и недостаточно эффективного прикрытия под якобы законную деятельность (риски привлечения к ответственности не принимаются во внимание, видимость законности служит приманкой для жертв преступления, а не средством для избегания уголовной ответственности в перспективе, расчет делается на быстроту реализации мошеннической схемы, и, как правило, такие акции носят непродолжительный по времени и разовый характер).

Разумеется, случаются определенные ситуационные решения мошеннических групп, которые позволяют менять ту или иную стратегию, трансформировать для максимизации криминального дохода сферы реализации преступных намерений. Синергия сконцентрированных на получении максимально возможной прибыли различных видов якобы законной экономической деятельности во многом позволяет не только усложнить органам дознания и следствия работу, но и добиться желаемого преступного результата при оптимизации собственных сил и средств.

В частности, мошенничество в сфере кредитования при работе с кризисными и предкризисными предприятиями осуществляется, как правило, посредством представления в кредитное учреждение недостоверных сведений о финансово-хозяйственной деятельности заемщика с предложением к использованию в качестве залогового имущества того, которое в силу закона не может использоваться для подобных целей (например, объект культурно-

го наследия без условий и обязательств в договоре кредитования о его сохранении или неразрывно связанная с землей вещь, перемещение которой приведет к ее полной непригодности, а ее демонтаж и водружение на другом месте фактически невозможны и пр.). Нередко такого рода действия совершаются в сговоре с сотрудниками банка, которые, к примеру, «за откат» выкупают на рынке по номиналу вексель, прикрывавший в свое время реализацию другой мошеннической схемы по выводу из государственного предприятия активов и пр. Сговор совершается с «рисковиками», руководством банка при покупке на рынке «плохих» активов без соразмерного дисконтирования или при использовании под залоговое обеспечение ненадлежащего имущества.

Реализация умысла по продвижению мошеннической схемы зачастую имеет этапы монетизации криминальных усилий: в результате принятия решения на кредитном комитете, при выборе конкурсного управляющего в процедуре банкротства, в ходе подбора неликвидного и негодного с точки зрения закона залогового обеспечения, при определении и допуске к активу банкрота якобы инвестора, который лишь выступает связующим звеном, своего рода «прокладкой», в системе восстановления платежеспособности предприятия, но реальными средствами и компетенциями не располагает. На каждом этапе финансовые потоки формируют криминальную прибыль, которая складывается нарастающим итогом или распределяется на каждой стадии. Подобные «инвесторы» берут, например, в аренду крупный актив и создают видимость работы, отягощая и без того непростой кредитный портфель «псевдовложениями». В этой мошеннической схеме солидаризируется банковская и инвестиционная деятельность, которая упирается в работу с кризисными и предкризисными активами, с конкурсной массой в рамках процедуры банкротства.

Без видимого и недостаточно эффективного прикрытия под якобы законную деятельность мошеннические намерения нередко реализуются в сфере торговли и оказания услуг. Криминальная рациональность снижения рисков привлечения к ответственности здесь иная, сопутствующая, если вообще принимается в расчет. Зачастую реализация преступного намерения напрямую связана с интернет-сервисами и интернет-ресурсами. Мошенники через интернет-магазины, собственные видеоблоги, аккаунты в социальных сетях рекламируют не отвечающие стандартам качества и безопасности продукцию или услуги. Нередко продается «воздух», то есть «нелюбовь к власти» псевдооппозиционными блогерами, услуги экстрасенсов и пр. При этом преступники стремятся использовать современные средства расчета.

Так, 13 июля 2016 г. в Баймаке (Республика Башкортостан) с целью хищения чужого имущества А.А. создал в социальной сети «ВКонтакте» «фей-

ковую» учетную запись «Илья Гуру» – копию настоящего аккаунта. В ходе переписки с потерпевшей путем обмана А.А. ввел ее в заблуждение, что он якобы является администратором экстрасенса А. Шепса и за денежное вознаграждение может записать к нему на прием. Разумеется, виновный не имел намерений и возможности выполнить обещанное. Расчет был произведен посредством электронных платежей Qiwi-com. Дело закончилось тем, что обвиняемый и потерпевшая примирились, а суд вынес постановление о прекращении уголовного преследования (Уголовное дело № 1-95/2017 // Архив Баймакского городского суда Республики Башкортостан). Каких-либо мер к прикрытию мошеннической схемы и созданию видимости законности своих действия для избегания уголовной ответственности виновный не предпринял. Расчет в подобных случаях ориентирован на то, что далеко не каждый потерпевший обратится за защитой своих прав в правоохранительные органы, поскольку суммы выплат в подобных случаях невысоки.

Криминальная рациональность при выборе того или иного способа совершения мошенничества в криминалистических исследованиях должна быть приземлена не только к сфере определенного рода экономической деятельности, но к логике действий преступников. В этом случае становится понятен расчет причастных к содеянному, а также могут быть выработаны действенные рекомендации криминалистов по преодолению подготавливаемого, заложенного в способе совершения преступления и реализуемого противодействия уголовному преследованию виновных лиц.

Список использованной литературы

1. Зиновьев А.А. Глобальный человейник // Литмир : электронная библиотека. URL : https://www.litmir.me/br/?b=30725&p=92 (дата обращения: 13.08.2020).

2. Карагодин В.Н. Внедрение результатов криминалистических исследований в практику предварительного расследования // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : сб. науч. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвящ. 20-летию кафедры криминалистики ; отв. ред. Г.М. Меретуков. Краснодар : Изд-во: КубГАУ им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 28–35.

References

1. Zinov'ev A.A. *Global'nyj chelovejnik* [Global Human Ant-Hill]. Available at: https://www.litmir.me/br/?b=30725&p=92. (In Russian).

2. Karagodin V.N. Implementation of the Results of Forensic Research into the Practice of Preliminary Investigation In Meretukov G.M. (ed.). *Sovremennye problemy otechestvennoj kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya* [Modern Problems of Domestic Forensic Science and Prospects for Its Development]. Krasnodar, KubGAU im. I.T. Trubilina Publ., 2019, pp. 176–179. (In Russian).

Информация об авторе

Полстовалов Олег Владимирович – *доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, начальник Управления по государственной охране объектов культурного наследия Республики Башкортостан, г. Уфа;*
e-mail: kriminalist2010@mail.ru

Information about the Author

Polstovalov Oleg Vladimirovich – *Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of of Criminalistics of the Institute of Law, Bashkir State University, Head of the Department for State Protection of Cultural Heritage Sites of the Republic of Bashkortostan, Ufa;*
e-mail: kriminalist2010@mail.ru